

МИХАИЛУ ШОЛОХОВУ,
АВТОРУ «ТИХОГО ДОНА»

Дело А. Синявского и Ю. Даниэля

ский и социальный анализ? К стенке их! Расстрелять в 24 часа!

Слушая Вас, можно было вообразить, будто осужденные распространяли антисоветские листовки или прокламации, будто они передали за границу не свою беллетристику, а по крайней мере план крепости или завода... Этой подменой сложных понятий простыми, этой недостойной игрой словом «предательство» Вы, Михаил Александрович, еще раз изменили долгу писателя, чья обязанность всегда и везде разъяснять, доводить до сознания каждого всю многосложность, противоречивость процессов, совершающихся в литературе и в истории, а не играть словами, злостно и намеренно упрощая и тем самым искажая случившееся.

Суд над писателями Синявским и Даниэлем по внешности совершался с соблюдением всех формальностей, требуемых законом. С Вашей точки зрения в этом его недостаток, с моей — достоинство. И однако я возражаю против приговора, вынесенного судом. Почему?

Потому, что самая отдача под Уголовный суд Синявского и Даниэля была противозаконной.

Потому, что книга, беллетристика, повесть, роман, рассказ — словом, литературное произведение, слабое или сильное, талантливое или бездарное, лживое или правдивое, никакому суду, кроме общественного, литературного, ни Уголовному, ни Военно-полевному не подлежит. Писателя, как и всякого советского гражданина, можно и должно судить Уголовным судом за любой проступок — только не за его книги. Литература Уголовному суду неподсудна. Идеям следует противопоставлять идеи, а не лагеря и тюрьмы.

Вот это Вы и должны были заявить своим слушателям, если бы Вы в самом деле поднялись на трибуну как представитель советской литературы.

Но Вы держали речь как отступник ее. Ваша позорная речь не будет забыта историей.

А литература сама отомстит за себя, как мстит она всем, кто отступает от налагаемого ею трудного долга. Она приговорит Вас к высшей мере наказания, существующей для художника, — к творческому бесплодию. И никакие почести, деньги, отечественные и международные премии не отвратят приговор от Вашей головы.

(Апрель 1966 г.)

Лидия Чуковская

*) «ГРАНИ» № 62.

СОВСЕМ недавно в Париже, в издательстве «Пять Континентов» вышла повесть советской писательницы Лидии Чуковской «Опустелый дом». Повесть страшная, рассказывающая о самых черных днях сталинщины конца тридцатых годов. О том, как приходилось жить советским людям в «период культа личности», написано немало книг и воспоминаний — самые яркие из них «Один день Ивана Денисовича» Солженицына и «Воспоминания» генерала Горбатова, уже выходящие из рамок литературы и переходящие в разряд «человеческих документов». Таким же человеческим документом является и повесть Лидии Чуковской. Подробно повесть была разобрана Ю. Терапиано, в его статьях о 83-м и 84-м номерах «Нового Журнала», где она была напечатана под заглавием «Софья Петровна». (См. «Р. М.» №№ 2491, 2542).

Приводя ниже письмо Лидии Чуковской Михаилу Шолохову, написанное в защиту А. Синявского и Ю. Даниэля, мы думаем, что смелость и искренность письма служат достаточным доказательством правдивости и ее повести. Это очень важно, т. к. часто те, кто сам не испытал жестокости сталинского самовластья, склонны думать, что эта жестокость умышленно преувеличивается врагами режима.

Открытое письмо писательницы Лидии Чуковской М. Шолохову

не опирающимся на статью кодекса судом, который осуществлялся «в памятные двадцатые годы»? Прежде всего, литераторов... Давно уже в статьях и публичных речах Вы, Михаил Александрович, имеете обыкновение отзываться о писателях с пренебрежением и грубой насмешкой. Но на этот раз Вы превзошли самого себя. Приговор двум интеллигентным людям, двум литераторам, не отличающимся крепким здоровьем, к пяти и семи годам заключения в лагере со строгим режимом, для принудительного, непосильного физического труда — то есть в сущности приговор к болезни, а может быть, и к смерти, — представляется Вам недостаточно суровым. Суд, который судил бы их не по статьям уголовного кодекса, без этих самых статей — побыстрее, попроще! — изобрел бы, полагаете Вы, более тяжкое наказание, и Вы были бы этому рады.

Вот Ваши подлинные слова:

«Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные двадцатые годы, когда судили, не опираясь на разграниченные статьи уголовного кодекса, а «руководствуясь революционным правосознанием», ох, не ту меру получили бы эти оборотни! А тут, видите ли, еще рассуждают о «суровости» приговора».

Да, Михаил Александрович, вместе со многими коммунистами Италии, Франции, Англии, Норвегии, Швеции, Дании (которых в своей речи Вы почему-то именуете «буржуазными защитниками») осужденных, вместе с левыми общественными организациями Запада, я, советская писательница, рассуждаю, осмеливаюсь рассуждать о неуместной, ничем не оправданной суровости приговора. Вы в своей речи сказали, что Вам стыдно за тех, кто хлопотал о помиловании, предлагая взять осужденных на поруки. А мне, признаться,

стыдно не за них и не за себя, а за Вас. Они просьбой своей просили славную традицию советской и досоветской русской литературы, а Вы своею речью отлучили себя от этой традиции. Именно в «памятные двадцатые годы», то есть с 1917 по 1922, когда бушевала Гражданская война и судили по «правосознанию», Алексей Максимович Горький употреблял всю силу своего авторитета не только на то, чтобы спасти писателей от голода и холода, но и на то, чтобы выручать их из тюрьмы и ссылки. Десятки заступнических писем были написаны им, и многие литераторы вернулись, благодаря ему, к своим рабочим столам. Традиция эта — существовать в России не со вчерашнего дня, и наша интеллигенция вправе этим гордиться. Величайший из наших поэтов Александр Пушкин гордился тем, что «милость к павшим призывал». Чехов в письме к Суворину, который осмелился в своей газете чернить Золю, защищавшего Дрейфуса, объяснял ему: «Пусть Дрейфус виноват, — и Золя все-таки прав, так как дело писателей не обвинять, не преследовать, а вступаться даже за виноватых, раз они уже осуждены и несут наказание... Обвинителей, прокуроров... и без них много».

Дело писателей не преследовать, а вступаться...

Вот чему учит нас русская литература в лице лучших своих представителей. Вот какую традицию нарушили Вы, громко сожалея о том, будто приговор суда был недостаточно суровым.

Вдумайтесь в значение русской литературы.

Книги, созданные великими русскими писателями, учили и учат людей не упрощенно, а глубоко и тонко, во всеоружии социального и психологического анализа вни-